

Для цитирования:

Касаткин С. Н. Правовая концепция С. С. Алексеева в контексте западного юридического позитивизма второй половины XX – начала XXI в.: системность права, правовая норма и правоприменение в ситуациях неопределенности // *European and Asian Law Review*. 2024. № 3. Т. 7. С. 48–58. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_48.

Information for citation:

Kasatkin, S. N. (2024) *Pravovaya kontseptsiya S. S. Alekseeva v kontekste zapadnogo yuridicheskogo pozitivizma vtoroi poloviny` XX – nachala XXI v.: sistemnost` prava, pravovaya norma i pravoprimerenie v situatsiyakh neopredelennosti* [S. S. Alekseyev's Legal Conception in the Context of Western Legal Positivism of the second half of the XX – early XXI century: Systematicity of Law, Legal Norm and Law-Enforcement in Situations of Indeterminacy]. *European and Asian Law Review*. 7 (3), 48–58. DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_48.

УДК 340.12

BISAC 052000

DOI: 10.34076/27821668_2024_7_3_48.

Научная статья

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01893

**ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ С. С. АЛЕКСЕЕВА
В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗИТИВИЗМА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI В.: СИСТЕМНОСТЬ ПРАВА,
ПРАВОВАЯ НОРМА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ
В СИТУАЦИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

С. Н. Касаткин

Самарский государственный экономический университет

ORCID ID: 0000-0001-5541-9181

Статья обсуждает классические взгляды выдающегося отечественного правоведа Сергея Сергеевича Алексеева в контексте базовых образцов зарубежного юспозитивизма второй половины XX в. и далее (Г. Кельзен, Г. Харт, Дж. Раз, К. Альчуррон, Е. Булыгин и др.). Предметом анализа, помимо характеристики позитивистской теории, выступают вопросы понимания и конструирования правовых норм как элементов системы права, а также вопросы их применения в ситуациях юридических пробелов и коллизий.

Ключевые слова: Алексеев Сергей Сергеевич, юридический позитивизм, системность права, правовая норма, правоприменение, правовой пробел, юридическая коллизия

**S. S. ALEKSEYEV'S LEGAL CONCEPTION
IN THE CONTEXT OF WESTERN LEGAL POSITIVISM
OF THE SECOND HALF OF THE XX - EARLY XXI CENTURY:
SYSTEMATICITY OF LAW, LEGAL NORM AND LAW-ENFORCEMENT
IN SITUATIONS OF INDETERMINACY**

Sergey N. Kasatkin

Samara State University of Economics

ORCID ID: 0000-0001-5541-9181

The article discusses the classical views of the outstanding Russian jurist Sergey Sergeevich Alekseyev in the context of the basic examples of foreign legal positivism of the second half of the XX century and further (H. Kelsen, H. Hart, J. Raz, C. Alchourron, E. Bulygin, etc.). The subject-matter of the analysis, in addition to the characteristics of positivistic theory, are the issues of understanding and constructing legal norms as elements of legal system, as well as issues of their application in situations of legal gaps and conflicts.

Keywords: *Alekseev Sergey Sergeevich, legal positivism, systematicity of law, legal norm, law-enforcement, legal gap, legal conflict*

Сергей Сергеевич Алексеев (1924–2013) – признанный классик отечественной юриспруденции, автор одного из наиболее целостных и продвинутых вариантов изложения советской (и, так или иначе, постсоветской) теории права. Отдавая мэтру дань уважения, в предлагаемой работе хотелось бы обсудить его взгляды в относительно нетрадиционном для отечественной литературы ракурсе, сопоставляя их с ключевыми образцами юридического неопозитивизма второй половины XX в. и далее, парадигмальными для современной западной (мировой) теоретической юриспруденции: доктринами Ганса Кельзена, Герберта Харта, Джозефа Раза, Карлоса Альчуррона, Евгения Булыгина и др. В качестве предмета анализа, помимо общей идентификации идей С. С. Алексеева в пространстве современного позитивизма, избраны вопросы понимания и конструирования правовых норм как элементов системы права, а также вопросы их применения в ситуациях юридических пробелов и коллизий. Как представляется, указанная тематика выступает важной точкой пересечения перспектив отечественных и зарубежных позитивистских теорий, где концепция С. С. Алексеева на фоне западных аналогов, с одной стороны, предлагает весьма оригинальные и плодотворные идейные решения правоведческих проблем, с другой – сама оказывается объектом проблематизации и возможного преобразования в свете новых полемических и практических контекстов¹.

¹ Безусловно, на разных этапах своего творчества С. С. Алексеев формулировал различающиеся концепции права (что особенно очевидно из сопоставления работ советского и постсоветского периодов [Алексеев, 1966; Алексеев 1981; Алексеев, 1982; Алексеев, 2013; Алексеев, 2002]), элементы последних дают основания для несовпадающих теоретико-методологических квалификаций, в том числе с точки зрения их принадлежности к теории юридического позитивизма [Семитко, 2019]. Между тем настоящая статья не ставит задач по исторической реконструкции и (или) интегральной интерпретации идей С. С. Алексеева разных лет, сосредоточиваясь на (благожелательном) прочтении и оценке более канонических трудов автора позитивистской направленности, прежде всего работ «Проблемы теории права» 1972–1973 гг. [Алексеев, 1972; Алексеев, 1973] и «Общей теории права» 1981–1982 гг. [Алексеев, 1981; Алексеев, 1982]. Мотив фокусировки на подобного рода работах обусловлен тем, что таковые, с одной стороны, обеспечили реноме С. С. Алексеева в отечественной правовой мысли, получив здесь статус классических, с другой – сформулировали один из

1. Правопонимание. Предваряя вопросы более частного характера, следует начать с «локализации» правовой теории Сергея Сергеевича Алексеева в пространстве образцов и критериев позитивистской юриспруденции второй половины XX в. и далее.

В своих классических работах С. С. Алексеев ассоциирует право с (классово обусловленной) системой общеобязательных, формально определенных и государственно гарантированных норм [Алексеев, 2010: 17–26; Алексеев, 2009: 79–81], а общую теорию права – с системой обобщенных теоретико-методологических (философских, социологических и специально-юридических) знаний о правовой действительности [Алексеев, 2010: 680–682, 711–723, 744–755; Алексеев, 2009: 4–14]².

В свете существующих в современной (зарубежной) философии права критериев на предметно-теоретическом уровне такая концепция представляется юридико-позитивистской, идентифицируя правовые предписания через их формальный, институциональный, официально-властный статус, а не через их моральное содержание и ценность [Vix, 2005; Dickson, 2012; Schauer, 2013; Spaak, Mindus, 2021].

При этом определение права опосредуется у С. С. Алексеева понятием государства (пусть и взятом в широком социальном, классовом контексте) [Алексеев, 2010: 17–25; Алексеев, 2009: 39–45, 54–63, 79–81, 112–115], что относит его концепцию к классическому юспозитивизму (прежде всего континентальных версий), в противовес неопозитивистским доктринам, объясняющим право через нормативный порядок, восходящий, как у Г. Кельзена, к постулируемой верховной норме [Кельзен, 2015: 240–278] или, как у Г. Харта, к эмпирически признаваемому правилу распознавания, фиксирующему критерии юридической действительности в системе [Харт, 2007: 105–127]. Даже при такой характеристике, построения С. С. Алексеева вполне доступны переописанию на языке неопозитивистских теорий, например, когда действительность правовых норм в системе согласно правилу распознавания увязывается с их установлением или санкционированием со стороны органов и должностных лиц соответствующего государства либо со стороны иных управомоченных субъектов. Признание подобного правила в сообществе, прежде всего судьями и правоприменителями, будет составлять социальный конвенциональный факт, конституирующий право как институт и определяющий границы правовой системы [Hart, 1994: 256].

Важными для современного позитивизма также являются тезис С. С. Алексеева об «институционности» права [Алексеев, 2009: 54–63] (перекликающийся с трактовкой права как «институционального факта», например, у Нейла Маккормика и Оты Вайнбергера [MacCormick, Weinberger, 1986], и открытый дальнейшей подобной разработкой) и особенно тезис о системности права [Алексеев, 2010: 22, 128–166; Алексеев, 2009: 167–190, 267–285]. Последний составляет характерную черту континентальных и англо-американских версий позитивизма второй половины XX в., в рамках которого модель иерархического ступенчатого правопорядка Г. Кельзена [Кельзен, 2015: 278–339] и модель права как единства первичных и вторичных правил Г. Харта [Харт, 2007: 96–104] получают развитие в «логике нормативных систем» Карлоса Альчуррона и Евгения Булыгина [Альчуррон, Булыгин, 2013], а также в аналитической концепции правовой системы Джозефа Раза [Raz, 1980]. В этом контексте разработка С. С. Алексеевым проблем системности права идет в параллели с отмеченным трендом, имея, однако, важную «предметно-методологическую» специфику: если зарубежные доктрины больше сосредоточены на общих аналитических проблемах идентификации и индивидуализации правовых систем, принципов их

значимых образцов теоретико-методологического рассуждения, заслуживающий анализа в более общей системе координат современной юриспруденции.

² Здесь и далее цитирование работ С. С. Алексеева «Проблемы теории права» и «Общая теория права» будет осуществляться по изданиям соответственно 2010 и 2009 гг.

построения, деятельности и пр., теория С. С. Алексеева ориентирована прежде всего на изучение и прогресс отечественной правовой системы и близких им (континентальных) правопорядков, а также на их структурно-функциональный анализ, что обусловило и своеобразие исследуемых ученым элементов (организация правовых отраслей, правовые принципы, общие дозволения и запреты с соответствующими типами регулирования, конструкция механизма правового регулирования и воздействия и т. д.) [Алексеев, 1966; Алексеев, 1975; Алексеев, 1989]. Более того, как представляется, предложенное ученым «системное» объяснение права выступает важным отличительным признаком его позитивистской концепции, обуславливающим далее особенности его аргументов по более частным проблемам теоретической и практической юриспруденции.

Что касается методологического уровня рассмотрения, то здесь правовая концепция С. С. Алексеева скорее воплощает классические ориентиры научной рациональности, характерные как для (континентального) юридического позитивизма, так и для иных, методологически близких правовых течений, ориентируясь на целостность теоретико-правового знания, объективность описания «правовой материи» и поиск существующих здесь объективных закономерностей [Алексеев, 2010: 680–682, 711–723, 744–755; Алексеев, 2009: 4–14]. В этой перспективе, в отличие от зарубежных позитивистских аналогов второй половины XX – начала XXI в., она в ряде отношений имеет более широкий охват, не сводится к наиболее традиционному здесь проекту аналитической юриспруденции или философии права, сосредоточенной на анализе базовых правовых понятий и противопоставленной исследованиям нормативной или критической юриспруденции [Hart, 1994: 239–244; Раз, 2021; Булыгин, 2016: 28–41; Дворкин, 2020: 53–72]. Между тем подобный методологический проект ученого, имея достоинства и недостатки, по-прежнему нуждается в серьезном переосмыслении в контексте вызовов неклассической общей эпистемологии и методологии правового теоретизирования [Тонков, Честнов, 2023; Поляков, Тимошина, 2015: 38–59].

2. Конструкция правовой нормы. Проблема надлежащей концептуализации правовой нормы (юридического правила, стандарта и пр.) традиционно является одной из центральных в позитивистской теории. Она тесно связана не только с выявлением базовой единицы права и его анализа, но и с объяснением природы и ключевых параметров права в целом.

Так, Г. Кельзен, в русле своего «чистого учения о праве», стремится эксплицировать идеальную, универсальную формулу правовой нормы, которая бы соответствовала природе права как сферы должного, основанной на цепочках действительности и «вменения» как принудительного нормативного социального порядка. В этом плане правовая норма отграничивается им от правовых предложений / суждений и представляет собой преобразующую их логическую конструкцию «если X, то должно быть Y», – предписание судьям и иным должностным лицам применить санкцию в оговоренных нормой случаях [Кельзен, 2015: 12–37, 46–77, 93–141]. В противовес этому Г. Харт, опираясь на идею социальных правил как практикуемых и признаваемых в сообществе образцов поведения и оценки, подчеркивает несводимость юридического правила к приказу суверена или общей логической формуле, а равно отвергает принуждение как концептуально необходимый здесь элемент [Харт, 2007: 26–84]. На основе анализа структур языка / социального опыта он центрирует разницу обязывающих (первичных) и управомочивающих (вторичных) правил, единство которых образует суть правовой системы и важный методологический постулат в объяснении права [Харт, 2007: 85–87, 96–104].

В этом контексте подход Сергея Сергеевича Алексева образует самостоятельную и в чем-то более гибкую позицию, продуктивную в практическом и методологическом плане. Ученый предлагает сдвоенную модель правовой нормы: он разграничивает (регулятивные и охранительные) нормы-предписания, зафиксированные в нормативных правовых актах и имеющие двучленную структуру, и «логические» нормы, аналитически реконструируемые по трехчленной матрице «гипотеза – диспозиция – санкция» [Алексеев, 2010: 208–211, 214–224; Алексеев, 2009: 286–312]. Примечательно, что «удвоение» логики норм, правда, для других задач, предложили также работающие в позитивистской традиции аргентинские мыслители К. Альчуррон и Е. Булыгин [Альчуррон, Булыгин, 2013]. Как представляется, с одной стороны, подход С. С. Алексева дает возможность работать с предложениями / суждениями официальных материалов как полноценными единицами анализа, которые могут иметь различную деонтическую модальность, «формулу», включать или не включать элемент правового принуждения и т. п. [Алексеев, 2010: 216–217, 219–224; Алексеев, 2009: 293–295]. Он также содержит определенную позицию по – значимой для современного позитивизма – проблеме индивидуализации правовой нормы [Raz, 1980: 44–91], когда границы, как минимум, норм-предписаний увязываются с лингвистическими и прочими параметрами официальных предложений / суждений [Алексеев, 2010: 216–217; Алексеев, 2009: 303–305]. С другой стороны, этот подход позволяет проследить выделяемые ученым фундаментальные свойства права (прежде всего его принудительность, гарантированность государством) на уровне любых единичных предписаний [Алексеев, 2010: 198–202, 217–219; Алексеев, 2009: 286–291, 295–297].

Причем на фоне позиций Г. Кельзена, Г. Харта и др. весьма значимо решение С. С. Алексевым проблемы совместимости декларируемой принудительной природы права и типики официального дискурса с его управомочивающими и подобными нормами, которые не имеют или даже не предполагают санкций. Ученый использует здесь свой фундаментальный «аргумент к системности», апеллируя к устройству современных развитых правопорядков, подчеркивая присущую им структурную сложность, генетическую и функциональную дифференциацию, обуславливающую особое системное обеспечение действия отдельных своих нормативных элементов [Алексеев, 2010: 208–211, 214–224, 228–229; Алексеев, 2009: 291–293].

Между тем, как представляется, подход С. С. Алексева по-прежнему нуждается в доопределении в свете дебатов о концептуальной необходимости принуждения в праве, а также в соответствующем обосновании выбора модели для «логической нормы», универсальности подобного выбора [Schauer, 2009; Альчуррон, Булыгин, 2013: 75–82; Raz, 1980: 44–91; Raz, 1972].

3. Правоприменение в ситуациях правовой неопределенности. Проблемы правоприменения, в том числе в условиях неопределенности (пробельности и коллизии) права, также традиционно входят в предмет позитивистской теории. При этом в качестве методологической тенденции развития позитивизма во второй половине XX – начале XXI в. можно отметить его выстраивание прежде всего в качестве общей, аналитической / описательной и зачастую морально нейтральной теории права. Отсюда, за рядом исключений (например, доктрин «неоформализма» Фредерика Шауэра [Schauer, 1991], Ларри Александера [Alexander, Sherwin, 2001]), концептуализация правоприменения выступает все более периферийной частью осмысления (понятия) права и не нацелена на развернутое обоснование / оправдание надлежащего инструментария юридических решений [Schauer, 2013].

В качестве предметной тенденции современного позитивизма можно назвать его движение от постулирования права в качестве закрытой и непротиворечивой системы, характерной, например, для учений позитивизма XIX – начала XX в. (юри-

спруденции понятий, юридического формализма и пр.), к идеям открытости права и, соответственно, в пределе неизбежной – правотворческой – дискреции при решении спорных случаев (что охватывает и центрируемый в спорах феномен правовых принципов, находящихся на пересечении морали и права) [Дворкин, 2004: 35–184; Hart, 1994: 259–268; Булыгин, 2016: 34–37]. Ярким примером здесь выступает англоязычный аналитический позитивизм Дж. Раз [Раз, 2021; Raz, 1995: 326–340], Дж. Колман [Coleman, 1988], идущий от концепции Г. Харта с его тезисами возможной инкорпорации морали в право, умеренной правовой неопределенности, восполняемой через усмотрение, а также с малым вниманием к деталям пробельности и коллизионности права и системы средств их нейтрализации [Харт, 2007: 128–157; Hart, 1994]. Появившееся раньше континентальное учение Г. Кельзена, разделяя отмеченный методологический тренд, стоит некоторым особняком, одновременно признавая неопределенность и беспробельность права (а также, в ряде работ, отвергая его коллизионность) [Кельзен, 2015: 256–259, 329–339, 399–401]. Правовед отстаивает идею правовой нормы как «рамки», всегда нуждающейся в доопределении правоприменителем, и вместе с тем подчеркивает фиктивность пробелов в праве, сочетающем позитивную и негативную регламентацию (т. е. прямые запреты и их отсутствие / отмену с действием принципа «все, что не запрещено, разрешено») [Кельзен, 2015: 12–28, 305–315, 421–430]. Соответствует трендам и – развивающая идеи континентальной юриспруденции – доктрина К. Альчуррона и Е. Булыгина, где юридические пробелы и коллизии объясняются в рамках общего логико-аналитического описания нормативных систем [Альчуррон, Булыгин, 2013: 99–192].

Рассмотренная в этом контексте, концепция Сергея Сергеевича Алексеева также имеет позитивистский характер, при этом следуя в русле традиционного советского (и классического континентального) правоведения. Она выступает прежде всего общесоциальной и «законодательной» теорией права, нежели теорией правоприменителей и правоприменения. Она также признает объективно и субъективно обусловленное существование в праве нормативных пробелов и коллизий. Восполнение пробелов понимается ученым как творческая, но не правотворческая деятельность («индивидуальное поднормативное регулирование») [Алексеев, 2010: 646–650] и связывается с использованием инструментов аналогии закона, субсидиарного применения права и аналогии права [Алексеев, 2010: 651–656; Алексеев, 2009: 551–553]. Что касается коллизий (противоречий между нормами, нормативными правовыми актами), то, как ни странно, им у С. С. Алексеева практически не уделяется внимания: классификация коллизий (по юридической силе, времени принятия, территории действия) и их разрешение ассоциируются правоведом с четкими коллизионными правилами [Алексеев, 2010: 522–524; Алексеев, 2009: 467–468], в отсутствие которых, судя по всему, также допустимо говорить о правовой неопределенности и применять авторскую теорию правовых пробелов.

На фоне общей традиционности изложенных позиций С. С. Алексеева для советской мысли его подход содержит концептуализацию ряда значимых ресурсов для юридических решений в условиях неопределенности (инструментов обхождения с нею), идущих в параллели с зарубежными аналогами и способных обеспечить переписание / развитие доктрины ученого как правоприменительной теории. Как и в случае с авторской трактовкой юридической нормы, особенности подобной концептуализации также связаны с объяснением системности права.

Во-первых, в рамках классического взгляда на правовые пробелы С. С. Алексеев вносит системные элементы в общую модель их восполнения посредством юридической аналогии. Требуемое для ее использования «существенное сходство» с восполняемым нормативным предписанием, по мнению ученого, должно включать

сходство регулируемых отношений: при аналогии закона – их принадлежность к единому предмету правового регулирования отрасли с характерным для нее, однотипным правовым режимом, при субсидиарном правоприменении («межотраслевой аналогии») – как минимум единство метода регулирования [Алексеев, 2010: 651–654; Алексеев, 2009: 552–553]. Отсюда, правовосполнительная деятельность необходимо предполагает анализ и удержание начал отраслевой регламентации и взаимодействия отраслей в общей структуре права – положение, значимое для развитых континентальных правовых порядков и при этом обычно отсутствующее в весьма отвлеченных по уровню западных образцах неопозитивизма.

Во-вторых, что часто остается за рамками рассуждений, в теории С. С. Алексеева (подобно построениям К. Альчуррона, Е. Булыгина [Альчуррон, Булыгин, 2013: 61–64, 122–192]) сама идея правового пробела – как, впрочем, и идея юридической коллизии – имеет системную природу. Наличие и констатация пробела напрямую связаны с охватом фактической ситуации правом, ее включенностью в предмет правового регулирования (отсюда, например, пробел будет мнимым, если, с одной стороны, он устраняется через простую конкретизацию более общих положений, тех же отраслевых принципов, с другой – если нет надежных свидетельств о намерении законодателя урегулировать рассматриваемую сферу отношений) [Алексеев, 2010: 641–642, 646–647]. В этом плане крайне значимой представляется разработка С. С. Алексеевым общих дозволений и запретов, формирующих, в духе Г. Кельзена и его последователей [Кельзен, 2015: 26–28; Альчуррон, Булыгин, 2013: 142–147], общедозволительный и запретительный типы правового регулирования [Алексеев, 2009: 219–221, 188–190; Алексеев, 1989]. Соответствующие им максимы («дозволено все, кроме запрещенного» и «запрещено все, кроме разрешенного») – то, что в современной юриспруденции получило название «правил замыкания» [Альчуррон, Булыгин, 2013: 155–159], – структурируют правовое пространство и обуславливают на фундаментальном уровне логику юридического рассуждения, в том числе предпосылки самого существования и констатации пробелов (коллизий). При этом, в отличие от сравнительно радикальных тезисов Г. Кельзена, подход С. С. Алексеева носит более взвешенный характер: судя по всему, он мыслит названные регулятивные типы и правила как институциональные установления, а не аналитические постулаты, а равно не утверждает их универсального охвата и оппозиции в правовом регулировании, связывая сферу их действия с прогрессом и интенсивностью последнего.

Наконец, в-третьих, эти и другие отмечаемые С. С. Алексеевым развитые системные ресурсы юридического рассуждения на деле обуславливают весьма широкую дискрецию правоприменителей в выявлении «воли законодателя» [Алексеев, 2010: 646–647, 654–656, 546–560], что в условиях современных порядков организации власти, права, судопроизводства, отличных от советского строя, формирует основу для серьезных практических и концептуальных возражений относительно скорее узкого здесь (в том числе на фоне зарубежных позитивистских доктрин [Кельзен, 2015: 295–325, 424–429; Харт, 2007: 128–150; Раз, 2021; Альчуррон, Булыгин, 2013: 162–180]) тезиса ученого о неправотворческом характере правовосполнительной деятельности [Алексеев, 2010: 646–650]. Более того, как представляется, творческий, дискреционный элемент заложен в саму авторскую идею «логической нормы» [Алексеев, 2010: 210, 216; Алексеев, 2009: 295–297], не содержащей строгих алгоритмов определения «воли законодателя» и собственных границ. По сути, она выступает как общая «рамка» или схема интерпретации и аргументации, объединяющая в своих итоговых конструктах на базе правовых аксиом, принципов, иных системных ресурсов разнородный правовой материал, созданный разными законодателями в разных контекстах с разными целями. Это, в свою очередь, означает размыва-

ние концепта «воли законодателя» как отправной точки и ограничителя суждений / решений правоприменителя [Дворкин, 2020: 71–124]. В отношении пробелов и коллизий идея логической нормы предстает как инструмент, легитимирующий усмотрение не только в аспекте их восполнения / разрешения, но уже в аспекте их исходной констатации, составляя каркас процедур логического конструирования правовых норм. Данный пункт – составляющий вызов позитивизму в целом – можно считать еще одной точкой проблематизации теории С. С. Алексеева, точкой ее возможного преобразования и развития.

Библиографический список

«Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / К. Э. Альчуррон, Е. В. Булыгин. – СПб.: Изд. дом Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2013. – С. 44–210.

Alexander L., Sherwin E. The Rule of Rules. – Durham, NC: Duke University Press Books, 2001. – 288 p.

Bix B. Legal Positivism // Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory. – Malden, MA: Blackwell Pub., 2005. – P. 29–49.

Coleman J. Negative and Positive Positivism // *Coleman J.* Markets, Morals and the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – P. 3–27.

Dickson J. Legal Positivism: Contemporary Debates // The Routledge Companion to Philosophy of Law. – N. Y.; L.: Routledge, 2012. – P. 49–64.

Hart H. L. A. Postscript // The Concept of Law. – Oxford: Clarendon Press; N. Y.: Oxford University Press, 1994. – P. 238–276.

MacCormick N., Weinberger O. An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1986. – 229 p.

Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. – Oxford: Clarendon, 1995. – 390 p.

Raz J. Legal Principles and the Limits of Law // Yale Law Journal. – 1972. – 81 (5). – P. 823–854.

Raz J. The Concept of a Legal System. – Oxford: Oxford University Press, 1980. – 241 p.

Schauer F. Playing by the Rules. A Philosophical Examination of Rule-Based Decision-Making in Law and in Life. – N. Y.: Oxford University Press, 1991. – 254 p.

Schauer F. Positivism Before Hart // The Legacy of John Austin's Jurisprudence. – Dordrecht: Springer, 2013. – P. 271–290.

Schauer F. Was Austin Right after All? On the Role of Sanctions in a Theory of Law // Ratio Juris. – 2009. – 22 (1). – P. 1–21.

Spaak T., Mindus P. Introduction // Cambridge Companion to Legal Positivism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – P. 1–36.

Алексеев С. С. Восхождение к праву: Поиски и решения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2002. – 601 с.

Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юрид. лит., 1966. – 187 с.

Алексеев С. С. Общая теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 565 с.

Алексеев С. С. Общая теория права: курс: в 2 т. – Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1981. – 360 с.

Алексеев С. С. Общая теория права: курс: в 2 т. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1982. – 360 с.

Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. – М.: Юрид. лит., 1989. – 286 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. – Т. 1: Основные вопросы общей теории социалистического права. – Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1972. – 396 с.

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. – Т. 2: Нормативные юридические акты. Применение права. Юридическая наука (правоведение). – Свердловск: Свердловский юрид. ин-т, 1973. – 401 с.

Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху: моногр. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2013. – 447 с.

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 3: Проблемы общей теории права: курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 779 с.

Алексеев С. С. Структура советского права. – М.: Юрид. лит., 1975. – 263 с.

Булыгин Е. В. Избранные работы по теории и философии права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2016. – 476 с.

Дворкин Р. Империя права / пер. с англ.; под науч. ред. С. Коваль, А. Павлова. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 592 с.

Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. – М.: РОС-СПЭН, 2004. – 392 с.

Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова. – 2-е изд. – СПб.: Алеф-Пресс, 2015. – 542 с.

Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права: учеб. – 2-е изд. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2015. – 472 с.

Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы: кол. моногр. / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 17–28.

Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2021. – 552 с.

Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества (вступительная статья к переизданию книги С. С. Алексеева «Социальная ценность права в советском обществе») // Вестник Гуманитарного университета. – 2019. – № 3 (26). – С. 14–55.

Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина, С. В. Моисеева. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. – 300 с.

References

Alchurron, K. E. & Lisanyuk, E. N. (ed.) (2013) *‘Normativny`e sistemy` i drugie raboty` po filosofii prava i logike norm* [‘Normative systems’ and other works on the philosophy of law and the logic of norms]. Saint-Petersburg, Izdatel`skii dom Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 44–210.

Alekseev, S. S. (1966) *Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve* [The mechanism of legal regulation in the socialist state]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 187.

Alekseev, S. S. (1972) *Problemy` teorii prava: kurs lektsii: v 2 t. T. 1: Osnovny`e voprosy` obshhei teorii sotsialisticheskogo prava* [Problems of the theory of law: course of lectures: in 2 volumes. Vol. 1: The main issues of the general theory of socialist law]. Sverdlovsk, Sverdlovskii yuridicheskii institut, 396.

Alekseev, S. S. (1973) *Problemy` teorii prava: kurs lektsii: v 2 t. T. 2: Normativny`e yuridicheskie akty`. Primenenie prava. Yuridicheskaya nauka (pravovedenie)* [Problems of the

theory of law: course of lectures: in 2 volumes. Vol. 2: Normative legal acts. The application of law. Legal science (jurisprudence)]. Sverdlovsk, Sverdlovskii yuridicheskii institut, 401.

Alekseev, S. S. (1975) *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 263.

Alekseev, S. S. (1981) *Obshhaya teoriya prava: kurs: v 2 t.* [General theory of law: course: in 2 volumes]. (1), Moscow, Yuridicheskaya literatura, 360.

Alekseev, S. S. (1982) *Obshhaya teoriya prava: kurs: v 2 t.* [General theory of law: course: in 2 volumes]. (2), Moscow, Yuridicheskaya literatura, 360.

Alekseev, S. S. (1989) *Obshhie dozvoleniya i obshhie zaprety` v sovetskom prave* [General permits and general prohibitions in Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 286.

Alekseev, S. S. (2002) *Voskhozhdenie k pravu: Poiski i resheniya* [The ascent to the law: Searches and solutions]. Moscow, NORMA, 601.

Alekseev, S. S. (2009) *Obshhaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Prospekt, 565.

Alekseev, S. S. (2010) *Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 3: Problemy` obshhei teorii prava: kurs lektzii* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 3: Problems of the general theory of law: course of lectures]. Moscow, Statut, 779.

Alekseev, S. S. (2013) *Samoe svyatoe, chto est` u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy` prava v sovremennuyu e`pokhu* [The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era]. Moscow, Norma, 447.

Alexander, L. & Sherwin, E. (2001) *The Rule of Rules*. Durham, NC, Duke University Press Books, 288.

Bix, B. (2005) Legal Positivism. *Blackwell Guide to the Philosophy of Law and Legal Theory*. Malden, MA, Blackwell Pub., 29–49.

Bulygin, E. V. (2016) *Izbranny`e raboty` po teorii i filosofii prava* [Selected works on the theory and philosophy of law]. Saint-Petersburg, Alef-Press, 476.

Coleman, J. (1988) Negative and Positive Positivism. Coleman, J. *Markets, Morals and the Law*. Cambridge, Cambridge University Press, 3–27.

Dickson, J. (2012) Legal Positivism: Contemporary Debates. *The Routledge Companion to Philosophy of Law*. New York, London, Routledge, 49–64.

Dvorkin, R. (2020) *Imperiya prava* [Empire of Law]. Moscow, Izdatel`stvo Instituta Gaidara, 592.

Dvorkin, R. (2004) *O pravakh vser`ez* [About rights in earnest]. Moscow, ROSSPE`N, 392.

Hart, G. L. A. (2007) *Ponyatie prava* [The concept of law]. Saint-Petersburg, Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 300.

Hart, H. L. A. (1994) Postscript. *The Concept of Law*. Oxford, Clarendon Press, New York, Oxford University Press, 238–276.

Kelzen, G. (2015) *Chistoe uchenie o prave* [Pure doctrine of law]. Saint-Petersburg, Alef-Press, 542.

MacCormick, N. & Weinberger, O. (1986) *An Institutional Theory of Law: New Approaches to Legal Positivism*. Dordrecht, D. Reidel Pub. Co., 229.

Polyakov, A. V. & Timoshina, E. V. (2015) *Obshhaya teoriya prava: uchebnyk* [General theory of law: textbook]. Saint-Petersburg, Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 472.

Raz, J. (1972) Legal Principles and the Limits of Law. *Yale Law Journal*, 81 (5), 823–854.

Raz, J. (1980) *The Concept of a Legal System*. Oxford, Oxford University Press, 241.

Raz, J. (1995) *Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics*. Oxford, Clarendon, 390.

Raz, J. (2021) *Avtorit et prava. E`sse o prave i morali* [The authority of the law. Essays on law and morality]. Moscow, Izdatel`stvo Instituta Gaidara, 552.

Schauer, F. (1991) *Playing by The Rules. A Philosophical Examination of Rule-Based Decision-Making in Law and in Life*. New York, Oxford University Press, 254.

Schauer, F. (2009) Was Austin Right after All? On the Role of Sanctions in a Theory of Law. *Ratio Juris*, 22 (1), 1–21.

Schauer, F. (2013) Positivism Before Hart. *The Legacy of John Austin's Jurisprudence*. Dordrecht, Springer, 271–290.

Semitko, A. P. (2019) S. S. Alekseev: tsennost ` prava – v utverzhdanii tsennosti lichnosti, ee prav i svobod, vy ` sokoi organizovannosti i poryadka v zhizni obshhestva (vstupitel ` naya stat ` ya k pereizdaniyu knigi S. S. Alekseeva ‘Sotsial ` naya tsennost ` prava v sovetskom obshhestve’) [S. S. Alekseev: the value of law lies in the affirmation of the value of the individual, his rights and freedoms, high organization and order in the life of society (introductory article to the republication of S. S. Alekseev’s book ‘The social value of law in Soviet society’)]. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, 3 (26), 14–55.

Spaak, T. & Mindus, P. (2021) Introduction. *Cambridge Companion to Legal Positivism*. Cambridge, Cambridge University Press, 1–36.

Tonkov, E. N. & Chestnov, I. L. (ed.) (2023) *Postklassicheskie issledovaniya prava: perspektivy ` nauchno-prakticheskoi programmy `* [Postclassical studies of law: perspectives of the scientific and practical program]. Saint-Petersburg, Aleteiya, 17–28.

Информация об авторе

Сергей Николаевич Касаткин – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Лаборатории доказательной социальной политики, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин Самарского государственного экономического университета (e-mail: kasatka_s@bk.ru).

Information about the author

Sergey N. Kasatkin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Laboratory of Argumentative Social Policy, Associate Professor of the Department of Theory of Law and Public Law Disciplines at Samara State University of Economics (e-mail: kasatka_s@bk.ru).

© С. Н. Касаткин, 2024

Дата поступления в редакцию / Received: 20.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.10.2024